

ВОСТОК–ЗАПАД: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

РОЛЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ОБРАЗОВАНИИ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ В ИНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

О.Л. Солодкова

Кафедра цивилизационного развития Востока
Отделение Востоковедения

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье рассматривается деятельность католической церкви в рамках португальской колониальной политики на полуострове Индостан, а также основные методы христианизации местного населения. Затрагивается проблема взаимодействия христианской и индуистской религиозных систем. Показано, что первые десятилетия миссионерской деятельности не привели к желаемому результату из-за глубокого непонимания католическими миссионерами глубинных устоев индуистского общества, что вынудило католические ордена искать новые пути для крещения коренного населения.

Ключевые слова: миссионеры, Франциск Ксавье, Золотая Гоа, орден иезуитов, колониальная система управления, португальский парусный флот, монополия на торговлю пряностями, торговые фактории, политика христианизации, кастовая система, папство, фискальная система, инквизиция, орден францисканцев.

Открытие Португалией на рубеже XV–XVI вв. морского пути к берегам Индии сразу же превратило ее в крупнейшую мировую державу. Освоение морского пути в эту легендарную страну давало громадные политические, стратегические и экономические преимущества.

На протяжении первой половины XVI в. Португалия основала цепь военно-морских укреплений по всему побережью Индостана. Все удобные гавани на Восточном побережье Африки и Персидского залива оказались под португальским контролем. Небольшая европейская страна сумела на короткое время установить монополию на торговлю с Индией. Кроме поставок пряностей и тканей в Европу, португальские торговые фактории по обоим берегам Индийского океана взяли в свои руки традиционный обмен хлопко-

вых тканей на золото, которым были богаты государства и народы Восточной Африки (1).

Опираясь на превосходство своего флота и пушечное вооружение, португальские корабли безжалостно топили все чужеземные суда в зоне своего влияния. Португальцы стали первыми европейцами, которые в 1509–1515 гг. создали в Азии торговую «империю», завоевав ряд опорных пунктов от Ормуза до Малакки и серьезно потеснив арабских купцов (2).

Индия с самого начала стала центром португальской колониальной империи на Востоке. Постепенно создавалась система управления новыми землями, в которой почетное и важное место занимала католическая церковь.

После возвращения к родным берегам Васко да Гамы Лиссабон вскоре подготовил новую крупную экспедицию в Индийский океан. В 1502 г. в Индию отплыла новая эскадра, в которой уже участвовало 20 судов. Руководил ею все тот же Васко да Гама, получивший от португальского короля титул «адмирала Индийского моря». В октябре португальские корабли подошли к Каликату (или Каликуту. – *О.С.*).

Чтобы запугать местное население, да Гама обстрелял из пушек город и повесил на реях несколько ни в чем не повинных индийских рыбаков.

Но власти города не приняли ультиматум португальцев и не сдались.

Оставив несколько кораблей для блокады Каликата, Васко да Гама нагрузил оставшиеся суда пряностями в Кочине и Каннаноре и двинулся в обратный путь. Проданные с молотка экзотические товары дали фантастическую прибыль, что подогрело интерес ко вновь открытым землям.

Первые торговые контакты португальцев в Индии принесли первые сверхприбыли, но отнюдь не означали установления их полного господства над прибрежными районами страны. Предстояла долгая и кровопролитная борьба с местными правителями и конкурентами в морской торговле.

Реально португальским завоевателям удалось закрепиться на Коромандельском побережье только в 1510 г., когда Альфонсо де Альбукерке сумел отвоевать территорию Гоа у султана Биджапура. Провинция Гоа тех времен была небольшой областью на юго-западном побережье Индии, в дельте нескольких рек, и, по сути дела, представляла собой несколько островов с удобными гаванями. Этот пункт можно было даже с малыми силами оборонять с суши и с моря. Закрепившись в Гоа, португальцы основали ряд крепостей-факторий в Каликате, Каннаноре и Кочине на юге Индии, а также в Чауле и Дабуле на севере. К 1582 г. были захвачены Бомбей, Карандж, Бассейн и Сальсетте. Однако вплоть до 1543 г. территория Гоа оставалась единственным анклавом под эффективным португальским управлением в Индии (3).

Благодаря своему удобному географическому положению уже в 1530 г. Гоа стала столицей колониальных владений Португалии на Востоке, ведущим центром торговли с Индией. Управлялась колония вице-королем, ему подчинялись канцлер, секретарь, казначей и главный судья. Вице-королю или губернатору подчинялся государственный совет, состоявший из канцле-

ра, казначея и капитана Гоа. Во главе каждой деревни, входившей в колонию, стоял старшина и писарь. Эти должности были наследственными. Старшины деревень образовывали так называемую Генеральную ассамблею, возглавляемую санадаром, назначаемым администрацией колонии. Санадар обладал административной и юридической властью и был связующим звеном между колониальными властями и сельскими общинами. Административная и фискальная система, сложившаяся в Гоа, позднее использовалась португальцами в других колониальных владениях.

С захватом Малакки и Макао у китайских берегов португальская колониальная империя на Востоке приобрела законченный характер. Гоа стала административным и духовным центром разветвленного политического организма, направленного на присвоение высокой торговой прибыли за счет монополии на торговлю пряностями.

Параллельно с военно-гражданской и административной системой управления португальскими владениями формировалась централизованная структура римско-католической церкви. Папский престол, безусловно, оправдывал «евангелизаторскую» и «цивилизаторскую» миссию европейцев. Католическая церковь была заинтересована в увеличении паствы, захвате новых земель и умножении церковных богатств. Колонизаторы провозглашались героями и святыми, несущими «слово божие» народам, якобы пребывающим в дикости и невежестве. Более того, папство провозгласило, что европейские государи не имеют права оставлять народы в таком «бедственном положении», и что развитые государства должны брать управление «более слабыми» в свои руки.

В 1514 г. восточные колонии Португалии были включены в епархию Фунчал с центром на острове Мадейра, а в 1533 г. по просьбе короля Жоана III папа Павел III учредил отдельную епархию в Гоа с юрисдикцией над огромной территорией от Мыса Доброй Надежды до Китая и Японии. В 1558 г. Гоа становится отдельным архиепископством, в которое как викариаты входили Кочин и Малакка и к которому позднее были приписаны Майлапур, Макао и Фунаи в Японии. Один за другим в регионе разворачивают свою миссионерскую деятельность различные религиозные ордена.

Первыми на индийской земле высадились францисканцы в 1498 г., иезуиты в 1542 г., доминиканцы в 1548 г., августинцы в 1572 г.

В 1560 г. в Гоа был сформирован под покровительством папского престола суд «святейшей инквизиции», вписавший много мрачных страниц в историю португальских прибрежных владений.

По планам королей Португалии и католической церкви в Индии было необходимо проводить массовую христианизацию «язычников» с целью формирования здесь лояльной к завоевателям и их власти прослойки среди местного населения. В этом многотрудном деле именно Гоа отводилась главная роль руководящего центра.

С 1500 по 1542 г. орден францисканцев взял на себя основную работу по христианизации индийского населения.

В первые десятилетия португальского господства «обращение язычников» не носило активного целенаправленного характера. Происходило знакомство с местными условиями социальной и религиозной жизни. В 1552 г. епископ Дуарте Нуньес в своем письме королю описывает религиозное положение в Гоа: «Что касается населения Гоа, оно располагает большим количеством храмов, украшенных статуями врагов Христа, и оно ежегодно празднует свои религиозные праздники... Покровительствовать такому идолопоклонничеству является большой ошибкой. Необходимо во имя служения Господу нашему разрушить все храмы их, а на их месте воздвигнуть церкви со святыми. Разрешить тем, кто хочет стать христианином, владеть землей и домами, как сейчас, если он не желает Святой Веры, то пусть покидает остров» (4).

Письмо Дуарте не было оставлено без внимания в Лиссабоне, и через 20 лет оно стало фактически программой действия для католической церкви в Индии.

С появлением иезуитов на территории Гоа в 1542 г. начинается более активная деятельность католической церкви по пропаганде и распространению христианства среди местного населения. С 1540 по 1545 г. был принят ряд предписаний, по которым преступлением становится хранение в своих домах предметов индуистских культов. Любой дом можно было обыскать по подозрению в хранении индуистских реликвий. Празднование религиозных дат и отправление индуистских культов было запрещено.

Как отмечали многие историки, иезуиты сыграли в деле христианизации Индии особую роль и отличались от остальных наибольшим рвением и нетерпимостью по отношению к язычникам. Генерал-губернатор Альфонсо де Альбукерке заверял португальского короля, что, если ему и иезуитам развяжут руки, то они совместными усилиями за год или два христианизируют все население Гоа.

Существенным препятствием на пути распространения христианства в Индии стала несовместимость доктрины католицизма с кастовой системой, неотъемлемой частью индуизма. Кастовая система предполагала, что человек, принадлежавший к определенной касте, должен был соблюдать ее обычаи, заключать брак внутри касты, а после смерти погребение должно пройти по обычаям касты. Если же человек нарушал обычаи касты, он должен был быть наказан или изгнан из нее, что, по сути, означало для него социальную смерть.

Первым вопросом к прибывшим европейцам был вопрос об их касте. Когда те отвечали, что не признают каст, что перед Богом равны все, их считали чуть ли не ниже неприкасаемых и изгоев.

Португальцы вели себя по индийским законам недопустимо: пили спиртное, ели мясо, оскверняли индуистские святыни.

Индусы называли португальцев «паранги», и скоро это слово стало воплощением всего самого отвратительного и нечестного.

Индус, принявший веру «паранги», считался предателем. Такого человека называли «батало», то есть – «человек, потерявший касту».

Для португальцев же слово «паранги» было синонимом слова «португалец». Не зная действительного значения этого слова, миссионеры зачастую спрашивали индийца: «Хочешь ли ты стать паранги?». Они не понимали, что по индийскому обычаю Бог людей вне касты не может быть Богом людей, принадлежащих касте, следовательно, Христос не мог быть Богом людей, принадлежащих касте, так как он был Богом «паранги» – людей вне касты. Принять крещение означало потерю касты, полный разрыв со своим образом жизни и своим окружением. Поэтому при появлении миссионера жители разбежались по домам. Если кто-то случайно коснулся его сутаны, тотчас же спешил совершить омовение, чтобы очиститься от европейской скверны. Католические священники ничего не знали о системе кастовой чистоты и с удивлением отмечали, что многие готовы голодать, нежели есть и пить с человеком низшей касты.

Даже знаменитый миссионер Франциск Ксавье, прибывший в Индию в мае 1542 г., проведший на территории Южной Индии более 3 лет и посвятивший миссионерской деятельности на Востоке более 10 лет, проповедуя в Китае и Японии, был временами разочарован результатами своего труда (5). Он называл не менее серьезную причину, препятствовавшую распространению христианства в Индии – продажность и взяточничество португальского чиновничества. Он писал королю Португалии, что намерен отправиться в Японию, потому что не может выносить «мучений», которые доставляют ему «алчность и аморальное поведение португальских властей».

Португальские чиновники так быстро богатели за счет вымогательства, что в 1546 г. губернатор Гоа Жоас де Кастро писал королю, что нельзя назначать на должности лиц более, чем на три года, объясняя, что «не существует такого сильного характера, который бы мог сопротивляться долго жадности и порочности, которые здесь практикуются» (6).

Естественно, что христианство связывалось у индийцев со всеми пороками европейского колониализма. Среди местного населения появились люди, агитировавшие против принятия новой веры. В кафедральном уложении, вышедшем в 1547 г., говорится, что местные жители не хотят становиться христианами, так как репутация христиан такова, что люди не желают даже разговаривать с ними; «христиане настолько плохо обращаются с местными жителями, настолько им досаждают, что люди, которые агитируют против христианства, пользуются у населения огромным влиянием» (7).

В марте 1559 г. Лиссабон одобрил ряд декретов вице-короля Гоа, направленных на христианизацию местного населения. Согласно первому, все изображения индуистских божеств, где бы они не находились – дома или на улице, подлежали немедленному уничтожению. Запрещались народные индуистские праздники. Все индуистские проповедники объявлялись вне закона. Повелевалось также немедленно информировать главного судью о том, кто из соседей держит в доме изображения индуистских богов. За открытое нарушение закона виновные подлежали аресту. За нарушение этих декретов человек приговаривался к пожизненным каторжным работам, его имущество конфисковали и делили пополам между доносчиками и церковью.

Второй декрет касался сирот, которые лишились обоих родителей и других родственников. Сирот отдавали под опеку иезуитов, которые воспитывали их в христианской традиции. Если в иезуитском приюте не было мест, то опека поручалась другому религиозному ордену.

Согласно третьему декрету юридическому и финансовому департаменту запрещалось брать на работу язычников. Нарушение этого закона влекло за собой потерю права колониальных чиновников набирать кадры из местного населения. Язычники, принятые на работу до выхода этого закона, должны были быть уволены, а на их места взяты христиане. Главой гильдии также мог быть только христианин.

Отдельно был выпущен декрет, по которому запрещалось давать деньги в долг язычнику, так как они могли быть использованы против христианских моральных правил. Давая деньги христианину, с него брали клятву, что он, в свою очередь, не даст их в долг язычнику.

В феврале 1549 г. был издан эдикт, по которому каждый, препятствующий или отговаривающий от вступления в христианство, приговаривался к каторжным работам, а его имущество подлежало конфискации в пользу церкви Святого Фомы, которая строилась в это время на восточной окраине Гоа.

С созданием в 1526 г. империи Великих Моголов на территории Индии стал активно распространяться ислам, и в Гоа появились муллы, агитировавшие перейти в мусульманскую веру. Поэтому в декабре 1564 г. был принят декрет, запрещавший любые попытки склонить индуиста к переходу в ислам или иудаизм под страхом лишения всего имущества и угрозы пожизненной каторги. Такое же наказание ожидало индуиста, если он поддавался на уговоры.

Иезуиты сыграли особую роль в христианизации Гоа. Не прошло и десяти лет со дня их появления в Индии, как они сумели оттеснить на второй план и францисканский и доминиканский ордена. Иезуиты стали буквально засыпать своими отчетами вышестоящих лиц, доказывая свои успехи в деле пропаганды католической веры, а также распространяя свои предложения по поводу дальнейшей христианизации Гоа. Это не замедлило сказаться уже в 1550 г., когда королевский двор инструктировал свою колониальную администрацию в Индии действовать в вопросах религии и морали, опираясь на советы иезуитов.

Рвение иезуитов было так велико, что они в деле христианизации использовали все средства, от уговоров до прямого насилия. В Лиссабон и Рим поступали рапорты о тысячах индусов, которых обратили в христианство. Только за 1560 г. в Гоа окрестили 12 тыс. человек. Люди принимали христианство под угрозой ареста или даже пребывая в тюрьме, но, даже приняв новую веру, они все равно не могли чувствовать себя в безопасности, так как, став католиками, они должны были немедленно отказаться от традиционного образа жизни. Если же они не отступали от него, то их действия рассмат-

ривались как ересь и подлежали рассмотрению в «священном трибунале». Каждый католик был обязан сообщать в трехдневный срок о любом нарушении Эдикта Веры инквизиции. Если он не делал этого, то автоматически становился «соучастником преступления».

Для христианизации Гоа использовалась политика, которую сами церковники называли «*rigor de misericordia*» – «суровость милосердия». В выработке этой политики огромную роль сыграл именно орден иезуитов. Сами иезуиты признавали, что строгость, конечно, присутствовала, но только против «меньшинства», не желавшего подчиниться португальскому владычеству и принять «католическое милосердие». Инквизиция же представляла собой политику «суровости милосердия» в действии. В результате подобная деятельность «священного трибунала» вынуждала население бежать все дальше вглубь Индостанского полуострова.

С середины XVI в. роль Гоа в «евангелизации» Востока постоянно возрастает, она становится форпостом экспансии католической церкви в Индии, Китае, Японии и других странах Азии. Именно из Гоа отправлялись миссии вглубь азиатского субконтинента.

Но христианизация Востока была сопряжена с рядом проблем. Для такого густонаселенного региона требовались, прежде всего, многочисленные квалифицированные кадры. Необходимого количества миссионеров не было, имеющиеся священники в своей массе были невежественными, ничего не знавшими о местных традициях и культуре. Большинство из них, включая и «святого апостола Востока» – Франциска Ксавье, не знали местных языков и произносили свои проповеди через переводчиков.

Широко использовался так называемый метод «общего крещения», когда собирали толпу местных жителей, объявляли им, чаще всего через переводчика, о том, что они стали христианами, а уж потом давали краткие сведения об Иисусе Христе и христианской религии. Это давало некоторые результаты, однако серьезно говорить о том, что христианство пустило глубокие корни, не приходилось.

Индийцы, крещенные таким образом, по большей части даже не понимали сути происходящего таинства. Иезуиты в своих ежегодных отчетах отмечали, что в Гоа многие из обращенных в христианство приходили к стенам храмов по несколько раз, чтобы уверить власти в своем искреннем желании принять новую веру.

Объяснения, которые давались по поводу христианской религии, были крайне примитивными. Миссионеры относились к язычникам как к варварам или дикарям. Для них не было разницы между язычниками африканского племени и язычниками из Индии. И те и другие были для них дикарями, а ведь индеец тех времен был зачастую более образован, нежели сам миссионер. Миссионеры изначально не учитывали того, что уровень социально-экономического развития индийского общества был гораздо выше, чем в африканских государствах, а также странах Нового Света. За плечами ин-

дийского народа была трехтысячелетняя история древнеиндийской цивилизации. К моменту появления европейцев у берегов Индии на ее территории уже сложился ряд государств с развитыми феодальными отношениями. По уровню развития ремесленное производство не уступало европейскому. Миссионеры встретились здесь с многовековой самобытной культурой. Христианству противостояла не менее стройная, отшлифованная тысячелетиями система религиозных воззрений.

Католические же миссионеры не только считали ниже своего достоинства вступать в теологические споры с индуистами, но даже не давали себе труда вдаваться в подробности при объяснении основ христианской религии. Для них преимущества христианства перед любой другой религией были несомненны и очевидны.

Такое пренебрежение и недобросовестность священников приводили к тому, что люди были окрещены, не имея понятия о сути веры и не зная ни одной молитвы. Иезуит Антонио Криминале был потрясен в 1545 г. таким положением дел и писал: «Все они говорили, что верят в то, во что верят христиане, или отвечали, что они не знают; они не имели никакого понятия о молитвах “Отче наш”, “Аве Мария”, “Я верую” и так далее. Они их даже не учили» (8).

Кроме всего прочего, миссионерских кадров просто не хватало. Португалия, небольшая страна по численности населения, была не в состоянии обеспечить «духовными пастырями» такую многонаселенную область, как полуостров Индостан. Один из первых миссионеров Индии Николло Лансилотто писал Игнатию Лойоле: «Люди этой страны, которые становятся христианами, делают это часто из временных преимуществ... Рабы Муров и Индусов стремятся к крещению, чтобы получить вольную из рук португальцев. Другие делают это с целью получить защиту от тиранов, или ради тюрбана, рубашки... или же для того, чтобы избежать казни, или, наконец, чтобы иметь доступ к христианским женщинам. Человека, который переходит в эту веру из искренних побуждений, считают дураком. Их крестят, кто бы ни изъявил желание причаститься, причем без всякой инструкции, и многие потом снова возвращаются к своему язычеству... Эта страна настолько обширна, что не хватило бы и ста тысяч священников, чтобы обратить в христианство все ее население» (9).

Пытаясь поднять престиж новообращенного населения, колониальные власти предоставили ему ряд преимуществ при приеме на государственную службу, исключили христиан из рекрутских наборов во флот.

Несмотря на все эти усилия, португальцы не пользовались уважением у местного населения: по отношению к ним на Малабарском берегу сложилась присказка, которая гласила: «Большое счастье, что португальцев на свете так мало, как львов и тигров; если бы их было столько же, как бывает других народов, они сожрали бы нас всех» (10). Миссионеры проповедовали христианское смирение, равенство всех перед Богом, а также заповеди «не убей», «не укради» и т.д., а вслед за ними приходили их соотечественники, которые грабили, убивали, пьянствовали – вели совсем не тот образ жизни,

который проповедовался католическими священниками. Это серьезно снижало эффективность миссионерской деятельности.

Однако португальцам удалось в достаточно короткий срок окрестить на Коромандельском побережье рыбаков касты парава, одну из наиболее угнетаемых групп местного населения, и это крещение рассматривалось как перемена подданства жителей побережья, их переход из-под власти индийских правителей под власть короля Португалии. После крещения ловцы жемчуга парава получили необходимую им военную защиту от местных феодалов, а португальские купцы занимали место арабских скупщиков жемчуга, которые исповедовали ислам (11). Правители южноиндийских государств не могли не реагировать на фактическое отторжение своих земель, и это приводило к усилению враждебности индийских князей по отношению к португальским торговым факториям и деятельности католических миссионеров.

Общее крещение мало что давало для глубокого проникновения христианской идеологии в индийскую среду. Те, кто принял христианство, таким образом, продолжали придерживаться своих прежних верований, но если для индийцев обряд крещения практически ничего не менял в повседневной жизни, то, по мнению католической церкви, они уже стали настоящими христианами, следовательно, отправление традиционных культов, наличие в домах статуй индуистских богов рассматривалось как ересь. И для борьбы с отступниками существовала инквизиция.

Введенная первоначально для борьбы с «ересью» на оккупированных территориях среди самих колонизаторов и, в частности, среди переселявшихся в Индию в результате гонений в Европе так называемых «новых христиан», т.е. принявших христианство португальских иудеев, инквизиция в Гоа стала прямым орудием подавления инакомыслия на захваченных португальских территориях на Востоке. Очень скоро она переключилась на местных жителей, подавляющее большинство которых было христианизировано с помощью силы или соблазнительных обещаний материальной выгоды. Кроме всего прочего, материальные выгоды обернулись необходимостью для принявших христианство выплачивать церковную десятину. Десятина взималась с урожая и домашнего скота. Кроме этого, вице-королем в 1567 г. были узаконены множество церковных штрафов: за отдых в непопозволенное время, за пропуск воскресной службы и праздничных дней, за сохранение нехристианских имен и ношение нехристианской одежды.

С 1568 г. миссия по сбору церковной десятины была возложена на иезуитов.

На территории Индии такого налога никогда не существовало, и вполне естественно, что все эти новые налоги и поборы порождали недовольство среди людей, недавно принявших христианство. Поэтому на индийских землях вся энергия инквизиции направлялась на раскрытие и наказание этих «еретических» тенденций, противоречивших религиозной догме церкви. Первое «аутодафе» состоялось еще в 1543 г.

Хотя некоторые современные историки португальской инквизиции в Гоа и других католических институтов стремятся доказать, что их деятельность искажена в результате «предрассудков против католиков, под влиянием протестантских историков», обращение в христианство зачастую имело насильственный характер, сопровождалось жесточайшим подавлением древней индийской культуры, уничтожением культовых сооружений и памятников, неслыханным вандализмом.

В насильственном обращении индийцев в католицизм участвовали практически все католические религиозные ордена, действовавшие на Малабарском и Коромандельском побережьях, а также в других частях Южной Азии.

Однако, по ряду причин, наибольшее количество документов сохранилось о неблагоприятных деяниях ордена иезуитов. Тем не менее, от них не отставали францисканцы, уничтожившие на территории Гоа и окрестностей около трехсот индуистских храмов.

Известный индийский историк А.К. Приолкар приводит одно из поздних предписаний в отношении обращенных индусов, совершивших «преступление» против католической церкви, которые были опубликованы в Гоа в подробном «эдикте веры» в 1736 г. Согласно этому эдикту преступлением являлось непризнание власти и святости церкви, Христа, как Бога и Мессии, отказ от выполнения католических ритуалов, а также предпочтение мусульманства, иудаизма и, особенно, преобладавшего в Индии индуизма (12).

Однако людей, выступивших против политики «суровости милосердия», среди католических религиозных деятелей было немного. Большинство, наоборот, считало эту политику слишком мягкой или вполне естественной.

Провинсиал Гоа (должность в иезуитской иерархии) Квадриш в своем письме ко двору от 14 января 1561 г. пишет, что за 1560 г. окрестили 12 700 душ. Далее он сообщает, что крещение язычников является благодеянием для них, так как «дьявол научил этих людей, что они не могут есть с другими людьми, так и с нами. Если они примут от нас нашу пищу, то они тут же теряют свое индуистское естество, есть вместе с нами для них такой же грех, как наш грех против Святого Креста. Для тех, кто ест из наших рук, нет возможности быть больше индуистом, нет возможности смешаться с индуистами, ни индуистам смешаться с ними. Под стражей язычников приводят в этот дом, и если они изъявили желание стать христианами, то мы принимаем их с христианским гостеприимством, даем им пояснения о нашей вере, что само по себе является актом милосердия, с чем не могут не согласиться и те, кто прибыл с желанием узнать что-нибудь о нашей вере, и те, кто прибыл из страха наказания. Тот, кто воспользуется нашим гостеприимством, отведаст из наших тарелок, не может больше оставаться индуистом и теряет всякую надежду вернуться в свою касту. И он ищет новый закон, раз он потерял свой. Оказавшись в таком положении, когда над ним нет другого закона, кроме нашего, он приходит к решению, хотя и из страха наказания, но находит умиротворение в той истине, которую

мы ему объяснили. Такая христианизация является милосердием для язычников, вместо наказания, которого они заслуживают» (13).

Показательным самим по себе является то, что современные апологеты католической церкви, пытающиеся уверить, что насильственная христианизация проводилась лишь в редких случаях, не в состоянии опровергнуть фактов, которые этому противоречат.

Только жестокие репрессии могли привести к тому, что за какие-то 10–15 лет практически все население Гоа приняло крещение; и это позволило вице-королю Норонье в декабре 1564 г. отписать ко двору, что христианство в Гоа достигло такого прогресса, что только десятая часть населения является индуистской. Вице-король Норонья писал также о том, что он получил с прибывшими кораблями индульгенции с полным отпущением грехов тем, кто приведет язычника к Святой вере. Далее он отмечает, что появление таких индульгенций вызвало нездоровый ажиотаж у некоторых людей, и они стали «более настойчиво, чем раньше» уговаривать язычников принять христианство, «иногда даже применяя силу» (14).

Историки католической церкви, описывая процесс христианизации, приводят множество фактов, связанных с неожиданным «прозрением» язычников и появлением у них «сильного желания» приобщиться к Святой вере. Показательным является то, что во многих случаях такое решение приходит к ним в тюрьме или под угрозой ареста. Интересным является случай с крещением одного известного индуистского брахмана, который был доставлен в тюрьму по законам, принятым в 1559–1560 гг., запрещавшим пропаганду индуизма.

Отмечалось, что этот «язычник-священник был очень непримиримо и независимо настроен» и заявил, что «ему могут отрубить ноги или голову, но он никогда не станет христианином», но, пробыв в церковных застенках несколько лет, в октябре 1564 г. «божественное провидение» посетило несчастного узника, и он изъявил «горячее желание стать христианином» (15). Если такое принятие христианства считать добровольным, то придется согласиться с иезуитами, что христианизация была актом милосердия по отношению к язычникам.

Христианизировав практически девять десятых населения Гоа, миссионеры стали создавать свои опорные пункты на континенте. Иезуиты создали свои базы в Бассейне, Сальсетте, Бандре, Тане, Даммане, проникли даже на территорию империи Великих Моголов.

В 1549 г. иезуиты создали свои «провинции» в Гоа, а в 1600 г. – Кочине. В 1580 г., в 1591 г. и в 1595 г. они направляют свои миссии ко двору Великих Моголов, и им удалось создать христианские центры в Дели, Агре и Лахоре. Еще в 1576 г. иезуиты стали проникать в Бенгалию, но постоянная миссия была там создана лишь в 1598 г. Однако там, где миссионеры не имели поддержки колониальных властей, похвастаться появлением большого количества новых адептов христианства они не могли.

В 1605 г. часть Южной Индии, которая за несколько лет до этого была включена в иезуитскую вице-провинцию, была преобразована в провинцию «Малабар», которая занимала довольно большую территорию, включая миссии на территории нынешних Тамилнада и Кералы, в Кочине, Мадурай, Майсоре, Цейлоне, Бенгалии, Перу, Малакке и Молуккских островах.

По сути дела, католической церкви удалось распространить свои миссии практически по всему побережью Индии, а в ряде случаев они смогли проникнуть вглубь полуострова Индостан.

Великие географические открытия, расширение границ известного мира в XV–XVI вв. папский престол пытался использовать для своих экспансионистских устремлений. Папство смогло обратить противоречия в борьбе за зоны колониального влияния между Испанией и Португалией в свою пользу, оно играло роль международного арбитра при разделе новых земель. Само папство не снаряжало экспедиций и обладало ограниченными практическими возможностями. Поэтому в обмен на обязательства европейских держав взять на себя заботы по евангелизации населения новых земель, строительство церквей и обеспечение кадрами священников предоставляло христианским державам монопольное право на духовную юрисдикцию на этих землях.

Экспансия европейских стран включала евангелизацию как один из элементов колониализма, но миссионерская деятельность не могла стать в нем самостоятельным направлением. Только установление европейского колониального режима, т.е. системы господства европейской цивилизации и подчинения местных цивилизаций, могло стать гарантией успешной христианизации за пределами Европы. А поскольку Португалия не в состоянии была установить такую систему на такой огромной многонаселенной территории, она контролировала лишь небольшие территориальные анклавы на побережье.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.). – М., 1976. – С. 34.
- (2) *Asia in Western and World History.* – Armonk, N. Y., 1995. – P. 147.
- (3) *Солодкова О.Л.* Проблемы взаимодействия Востока и Запада на примере католической экспансии в Индии в XVI–XVII вв. // Вестник Университета Российской Академии образования. – М., 1997. – С. 135–136.
- (4) *D'Costa A.* The Christianization of the Goa island. – Bombay, 1965. – P. 28.
- (5) *Venn H.* The missionary life and laboures of Fracis Xavier taking from his own correspondence, Cambridge University Press, 2010. – P. 22.
- (6) *D'Costa A.* The Christianisation... – P. 40.
- (7) *Ibid.* – P. 39.
- (8) *Ibid.* – P. 175.
- (9) *Cronin V.* A Perl of India. The life of Roberto de Nobily. – Lnd., 1959. – P. 29.
- (10) *Тарле Е.В.* Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). – М.–Л., 1965. – С. 66.

- (11) *Zupanov Ines G.* Missionary tropics the Catholic frontier in India (16–17th centuries). – The University of Michigan Press, USA, 2008. – P. 15.
- (12) Priolkar A.K. Inquisition in Goa. – Bombay, 1961. – P. 82–83.
- (13) D'Costa A. The Christianisation... – P. 76.
- (14) Ibid. – P. 88.
- (15) *Rajimanicham S.* The first oriental scholar. – St. Havier Colledge, Bombay, 1972. – P. 26.

THE ROLE OF THE CATHOLIC CHURCH IN ESTABLISHING THE PORTUGUESE COLONIAL EMPIRE IN INDIA IN THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY

O. Solodkova

Department of Civilizational Development of the East
School of Asian Studies
National Research University «Higher School of Economics»
Maly Tryokhsvyatitelsky Per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The article deals with the role of the Catholic Church in the context of Portuguese colonial policy in India and describes the methods of Christianizing the local population. The problem of interaction between the Hindu and Christian religious systems is explained. When the early decades of missionary activity did not lead to desired results, it became clear that there existed profound misunderstanding by Catholic missionaries of the realities of Hindu society. As a result, Catholic Church had to seek new methods for baptizing of the Hindu population.

Key words: Missionary, Golden Goa, Jesuit Order, Colonial System of Governance, Portuguese sailing fleet, Monopoly on the spice trade, Trading posts, Christianization, Caste system, Papacy, Fiscal system, Inquisition, Franciscans.